

Роберт Ирвин Говард

Змея из ночного кошмара

Роберт Ирвин Говард

Змея из ночного кошмара

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154243

Роберт Говард. Гонимые смерти: Северо-Запад; Минск; 1998

ISBN 5-7906-0050-0

Оригинал: RobertHoward, "The Dream Snake"

Перевод:

Дмитрий Анатольевич Старков

Роберт Говард

Змея из ночного кошмара

Ночь выдалась на удивление тихой. Расположившись на просторной веранде, мы смотрели в необъятную темную даль. Ночной покой вошел в наши души, и мы все долгое время молчали.

Затем вдалеке, над темными горами на востоке, появилось едва заметное сияние, и вскоре огромная золотистая луна залила землю призрачным светом, в котором, словно дыры, зияли тени деревьев. С востока подул легкий, прохладный ветерок, и неподвижные травы всколыхнулись долгими, широкими волнами, почти невидимыми в неверном свете луны. И тут молчание, воцарившееся на веранде, разорвал негромкий, на вдохе, вскрик, заставивший всех нас обернуться.

Фэминг подался всем телом вперед, вцепившись в подлокотники кресла. Лицо его в призрачном свете сделалось мертвенно-бледным, а на подбородок стекала тонкая струйка крови – он прикусил губу. Все мы смотрели на него в изумлении. Издав отрывистый, больше похожий на рычание смешок, он резко бросил:

– Нечего глазеть на меня! Уставились, как стадо баранов! – и столь же внезапно умолк.

Мы пораженно молчали, не зная, что ответить, и Фэминг

заговорил вновь:

– Пожалуй, лучше рассказать обо всем, иначе еще примете меня за чокнутого. Только чтоб никто не перебивал! Мне нужно избавиться от мыслей об этом! Всем вам известно: я не из впечатлительных. Но это наваждение, от начала до конца порожденное моим воображением, преследует меня с самого детства. Сон... – Он прямо-таки съежился в кресле. – Сон! О, господи, что за сон! С первого раза... Хотя нет, я не помню, когда все это приснилось мне впервые... Эта дьявольщина снится с тех пор, как я помню себя. Сон такой. На холме, среди диких трав, стоит дом вроде бунгало – не такой, как этот, но происходит все здесь, в Африке. И я живу в этом бунгало со слугой-индусом. Как я туда попал, наяву никогда не помню, хотя во сне причина мне точно известна. Вообще, становясь тем человеком из сна, я помню свою прежнюю жизнь, которая никоим образом не связана с моей жизнью наяву, но, стоит проснуться, и от этой памяти не остается и следа. Однако, по-моему, я скрылся там от преследования властей, и индус тоже. Откуда взялось бунгало, я не помню и даже не могу сказать, в какой это части Африки, хотя во сне знаю все. Бунгало, как я уже говорил, стоит на вершине холма и состоит всего из нескольких комнат. Других холмов вокруг нет, во все стороны – травы, до самого горизонта, где по колено, а где и по пояс.

Сон всегда начинается с того, что солнце клонится к закату и я поднимаюсь на холм – возвращаюсь с охоты, и ру-

жье мое сломано. Это я помню ясно. Все это – точно вдруг поднимается занавес и начинается пьеса. Или будто я переносусь в тело и жизнь другого человека, напрочь забывая жизнь наяву. Вот в чем настоящий кошмар! Как всем – ну, по крайности, многим из вас известно, во сне человек где-то в глубине сознания понимает, что это сон. Как бы он ни был ужасен, мы знаем, что спим и, стоит нам проснуться, кошмары прекратятся. А в моем сне я не знаю этого! Он так ярок и подробен, что иногда я думаю: а вдруг этот сон и есть реальность, а то, что я считаю жизнью наяву, лишь сон? Но это, конечно, не так, ибо в этом случае я бы умер много лет назад...

Словом, я поднимаюсь на холм и первым делом отмечаю: что-то не так. К вершине поднимается странный след – будто волоком тащили что-то тяжелое и примяли траву. Но я не обращаю на это особого внимания, потому что раздражен: другого оружия, кроме этого сломавшегося ружья, у меня нет, и охоту придется оставить, пока не смогу послать за новым.

Видите, я помню, что думаю и чувствую во сне – в настоящем своего сна. Но тот «я», во сне, наделен воспоминаниями, которых я не могу вспомнить наяву. Так вот, я поднимаюсь на холм и вхожу в бунгало. Двери распахнуты настежь, индуса нигде нет, а в комнате беспорядок: кресла сломаны, стол опрокинут... На полу валяется кинжал моего слуги, но крови нигде не видно.

Надо заметить, что во сне я не помню предыдущих снов, как порой бывает с людьми. Все всегда происходит словно в первый раз. И происходящее я воспринимаю так же ярко, как впервые. И вот я стою посреди жуткого беспорядка и ничего не понимаю. Индус пропал, но что же стряслось? Будь это набег чернокожих, они бы разграбили и сожгли дом. Заберись в бунгало лев, все вокруг плавало бы в крови. И тут я внезапно вспоминаю тот след! По спине пробегает холодок. Все становится ясно: тварь, поднявшаяся на холм и разорившая бунгало, не может быть ни чем иным, как только гигантской змеей. Стоит мне вообразить ее размеры, лоб покрывается бисеринками холодного пота, а сломанное ружье начинает дрожать в руке.

Тогда я бросаюсь к выходу в диком ужасе и с одной-единственной мыслью: бежать как можно скорее к побережью. Но солнце уже садится, на землю опускаются сумерки, и где-то там, в высокой траве, прячется эта ужасная, громадная тварь. Господи!..

С губ его брызнула слюна. Мы сидели молча, напряженно слушая, боясь пропустить хоть слово.

Фэминг продолжал:

– Я запираю двери и окна на засовы, зажигаю лампу и замираю посреди комнаты. Стою, точно статуя. Жду. Прислушиваюсь. Вскоре в небе появляется луна, заливая все вокруг неверным светом. Я стою неподвижно. Ночь очень тиха, совсем как сейчас, лишь легкий ветерок порой шелестит в

траве, всякий раз заставляя меня прижимать руки к груди и стискивать кулаки так, что кровь течет из-под впивающихся в ладони ногтей. Я стою, жду, вслушиваюсь в ночь. Но змея не появляется!

Последние слова прозвучали, точно взрыв. Все мы невольно вздохнули с облегчением. Напряжение спало.

– Тогда я решаю, если доживу до утра, попытаться счастья в лугах и отправиться к побережью. Но вот наступает утро, и я не осмеливаюсь! Неизвестно, в какую сторону уползло чудовище, и я боюсь встретиться с ним на открытом месте, да еще без оружия! Я остаюсь в бунгало, точно в ловушке, и глаза мои неотрывно следят за солнцем, которое неумолимо движется к горизонту. О, господи! Если б я только мог остановить его!

Фэминг был охвачен ужасом настолько, что едва мог говорить.

– Солнце клонится к закату, траву прорезают длинные мрачные тени. Опьянев от страха, я запираю окна и двери и зажигаю лампу задолго до того, как угаснет последний солнечный луч. Свет в окнах может привлечь чудовище, но мне не хватает духу потушить лампу и остаться в темноте. Я снова стою посреди комнаты и жду.

Фэминга сотрясала дрожь. Сделав паузу, он продолжал едва слышным шепотом:

– Жду, утратив всякое ощущение времени. Времени больше нет, каждая секунда растянулась до бесконечности. Но

вдруг... Господи, что это!?

Он резко подался вперед. В призрачном свете луны его застывшее лицо сделалось столь ужасным, что все мы невольно вздрогнули и поспешно оглянулись.

– На сей раз это – не ночной бриз, – зашептал Фэминг. – Что-то шуршит, словно прямо по траве тащат нечто огромное, длинное и тяжелое. Шорох все ближе и ближе, и наконец он смолкает – перед самой дверью! Ночную тишь взрывает скрип, дверь прогибается внутрь... Еще, еще! – Руки Фэминга словно вцепились во что-то невидимое для нас, но находившееся прямо перед ним. Дышал он, будто загнанная лошадь. – Я понимаю, что должен навалиться на дверь всем телом, но нет – страх превратил меня в камень! Я лишь стою, как баран под ножом. Однако дверь выстояла!

И снова у всех вырвался вздох облегчения. Фэминг отер лоб трясущейся рукой.

– Всю ночь я неподвижно простоял посреди комнаты, разве что поворачивался лицом туда, где шуршала в траве ползавшая вокруг дома тварь. Тихий, зловещий шорох словно приковывал к себе мой взгляд. Порой он стихал на миг или даже на целых несколько минут, и тогда у меня перехватывало дух от ужаса – казалось, змея сумела как-то пробраться внутрь. Я начинал вертеться по сторонам, хотя – уж не знаю почему – страшно боялся шуметь: меня не оставляло чувство, будто это исчадь ада – прямо за моей спиной. Но шорох возобновлялся, и я снова замирал на месте...

Только в одном-единственном смысле мое сознание – то, что руководит мною наяву, – проникает под покров этого кошмара. Во сне я не имею ни малейшего понятия, что сплю, однако косвенным образом кое-что передается и в сон. Моя личность как бы мгновенно раздваивается, и получается нечто вроде того, как две руки, правая и левая, существуют независимо друг от друга, хотя принадлежат одному телу. Во сне мое «я» не осознает «я» реального, сознание временно подавляется, попадает под контроль подсознания и словно бы вовсе перестает существовать. Но сознание все-таки способно воспринимать мысли, волнами набегающие из моря сна. Конечно, я объясняю все это не слишком внятно, но суть в том, что и сознание и подсознание мое – на краю гибели. Там, во сне, меня не покидает страх перед тем, что змея поднимет голову и заглянет в окно. И я – во сне – знаю: если это случится, я сойду с ума. И переживания, доносимые мысленными волнами из мутного моря кошмара, так отчетливы, что мой разум наяву колеблется так же, как колеблется разум во сне. Туда-сюда, туда-сюда, пока и я сам не начинаю раскачиваться. Ощущение не всегда одинаково, но я вам скажу одно: если когда-нибудь во сне эта ужасная тварь взглянет на меня, не миновать мне буйного помешательства.

Слушатели беспокойно всколыхнулись.

– Господи, ну и перспектива, – пробормотал Фэминг. – Повредиться умом и непрестанно, днем и ночью, жить в этом кошмаре! – Он сделал паузу. – Я стою посреди комнаты, про-

ходят века, но наконец за окнами светлеет, шорох исчезает вдали, и вскоре кровавое, точно изможденное, солнце начинает карабкаться в небо из-за восточного горизонта. Я поворачиваюсь, смотрю в зеркало – мои волосы совершенно седь! Шатаюсь, я иду к двери, распаиваю ее настееж... Ничего. Ничего, кроме широкой проплешины в траве, уходящей не к побережью, а в противоположном направлении! Зайдясь в безумном визгливом смехе, я бросаюсь бежать вниз по склону – и дальше, и дальше, через заросшие травами луга. Бегу, пока не падаю от изнеможения, и лежу, пока не обретаю силы подняться и снова бежать.

Так продолжается весь день. С нечеловеческими усилиями я двигаюсь к побережью, подгоняемый оставленным позади ужасом. И непрерывно, бредя ли на подгибающихся ногах, лежа ли и хватая ртом воздух, не спускаю молящего взгляда с солнца! Как быстро несется оно по небу, когда бежишь наперегонки со смертью! И, когда солнце опускается к самому горизонту, а холмы, до которых нужно было добраться засветло, ничуть не приблизились, я понимаю, что гонка проиграна.

Голос его с каждым словом звучал все тише, и все мы невольно подались вперед. Пальцы Фэминга крепко-накрепко впились в подлокотники, из прикушенной губы сочилась кровь.

– Темнеет. Я все бреду вперед, падаю и снова встаю. И хохочу, хохочу, хохочу! Но вскоре умолкаю: взошедшая луна

превращает луга в какой-то призрачный, окутанный серебристой дымкой, морок. Заливая землю молочно-белым светом, сама она красна, как кровь! Я оглядываюсь... И... Далеко позади...

Мы еще сильнее подались вперед. По коже пробежал холодок. Голос Фэминга снизился до еле слышного, призрачного шепота.

– ...Далеко позади... Вижу... Кольшущуюся... Волнами... Траву. Воздух неподвижен, но высокие стебли расступаются и раскачиваются в свете луны, образуя темную извиляющуюся линию. Она еще далеко, но с каждым мгновением все ближе и ближе...

Фэминг умолк. Только через некоторое время кто-то из нас осмелился нарушить воцарившуюся тишину:

– И что же дальше?

– Дальше – просыпаюсь, – ответил Фэминг. – Пока что я ни разу не видел этого ужасного чудовища. Но кошмар преследует меня всю жизнь. В детстве я пробуждался от него с криком, а уже в зрелом возрасте – весь в холодном поту. Снится он нерегулярно, но в последнее время... – Голос Фэминга осекся, однако он продолжил: – В последнее время змея с каждым разом подползает все ближе. Кольшущаяся трава отмечает ее путь, и с каждым новым кошмаром чудовище приближается. Когда оно настигнет меня...

Он резко смолк, ни слова более не говоря, встал с кресла и пошел в дом. Остальные еще немного посидели в молчании,

потом последовали его примеру – время было позднее.

Не знаю, как долго я спал, но внезапно сон мой был прерван. Казалось, в доме кто-то смеялся – долгим, громким, отвратительным безумным смехом. Вскочив с постели и гадая, не приснился ли мне этот смех, я выбежал из спальни, и в тот же миг по всему дому разнесся воистину ужасающий визг. Дом мгновенно наполнился разбуженными людьми, и все мы кинулись в спальню Фэминга – похоже, звук доносился именно оттуда.

Фэминг был мертв. Он лежал на полу – так, точно упал, борясь с чем-то ужасным. На теле его не было ни царапины, но лицо было страшно искажено, словно раздавлено какой-то невообразимой силой, подобной той, какой должна обладать гигантская змея.